

И С Л А М Ъ ¹⁾.

3.

Моментъ, когда Магометъ приблизился къ предмѣстьямъ Ятриба и былъ привѣтствуемъ, какъ пророкъ и религіозный вождь, долженъ считаться рѣшительнымъ въ исторіи ислама. Въ сущности это—день рожденія ислама. Доселѣ правовѣрные представляли собою не только нелегальную и гонимую общину, но и общину не обособившуюся еще отъ языческаго родства, языческихъ связей и обязанностей. Теперь община порывала съ опутывавшими ее связями и признавалась на мѣстѣ своего поселенія не только легальною, но и торжествующею. Этотъ историческій моментъ не опредѣленъ точно. Приблизительно онъ падаетъ на числа между 28 іюня—20 сентября 622 г. христіанской эры. Нѣкоторые (наприм., Мюллеръ) назначаютъ для него 20 сентября, нѣкоторые (наприм., Дози, Крымскій)—16 іюля. Бѣгство называется гедржа (одного корня съ Агарь), и всего 15 лѣтъ спустя послѣ гедржи халифъ Омаръ установилъ, что лѣтосчисленіе должно вестись съ нея. 622-й годъ христіанской эры является такимъ образомъ первымъ въ эрѣ мусульманской. Съ этого года начинается дѣло религіознаго и политическаго устроенія правовѣрныхъ.

Составъ населенія Медины послѣ вступленія въ нее Магомета опредѣлился такимъ образомъ: выходцы изъ Мекки (мехаджиры), мединскіе союзники и приверженцы Магомета (ансары), арабы язычники, евреи. На мѣсто принципа единства племеннаго Магометъ выдвинулъ принципъ единства религіознаго. Между правовѣрными не должно быть ника-

¹⁾ Окончаніе. См. Богословскій Вѣстникъ, Ноябрь.

кихъ споровъ, а спорные вопросы вообще должны быть рѣшаемы черезъ обращеніе къ Богу и Магомету. Важнѣйшія и самыя нужныя для магометанъ требованія къ арабамъ-язычникамъ и евреямъ сводились къ двумъ: 1) они не должны вступать въ союзы (военные) съ противниками правовѣрныхъ, а должны быть въ союзѣ съ послѣдними и 2) при ихъ спорахъ съ послѣдними окончательно рѣшающей голосъ принадлежитъ Магомету. Послѣдній пунктъ, понятно, ставилъ неправовѣрныхъ въ очень тяжелыя условія, и только печальная необходимость должна была заставить ихъ на него согласиться.

Вступая въ Медину, Магометъ, по всей вѣроятности, думалъ, что на его сторонѣ скорѣе окажутся евреи, чѣмъ арабы-язычники. Магометъ слышалъ, что въ священныхъ книгахъ евреевъ обѣщается появленіе великаго пророка (мессіи), что евреи ждутъ такого пророка и ему представлялось весьма естественнымъ, что они и признаютъ въ немъ такового. Еще въ Меккѣ, когда двери каабы закрылись предъ нимъ, онъ установилъ, что при молитвѣ нужно обращаться лицомъ къ Іерусалиму. Это обращеніе называется кебла. Въ Мединѣ, понятно, онъ долженъ былъ вступить съ евреями въ богословскія разсужденія. Странность и неправильность его представленій о Библии, его невѣжество въ ритуальныхъ и даже моральныхъ вопросахъ ветхозавѣтной религіи не замедлили обнаружиться. Его претензіи стали для евреевъ предметомъ смѣха. (См. 51 сур. корана). Тогда у Магомета произошелъ разрывъ съ евреями, внѣшнимъ выраженіемъ котораго явилась перемѣна кеблы. Пророкъ постановилъ, что при молитвѣ должно обращаться лицомъ къ Меккѣ. Вотъ какъ онъ объяснилъ эту перемѣну. „Безумные между людьми спрашиваютъ: почему они отвратились отъ кеблы, которой слѣдовали прежде (отъ Іерусалима)? Отвѣты имъ: востокъ и западъ принадлежатъ Господу. Онъ ведетъ тѣхъ, кого хочетъ по пути правому. Такимъ образомъ мы сдѣлали васъ, о арабы, народомъ посредствующимъ, чтобы вы были свидѣтелями предъ лицомъ всѣхъ людей и чтобы посланникъ былъ свидѣтелемъ предъ вами. Мы установили прежнее кебла, чтобы отличить того, кто послѣдуетъ за пророкомъ, отъ того, кто отъ него отвратится. Это стѣсненіе, но не для тѣхъ, кого направляетъ Богъ. Богъ не оста-

вить плода вашей вѣры, ибо Онъ полонъ милости и милосердія къ людямъ“ (2 сура, 136—138). Такъ, съ точки зрѣнія Магомета молиться можно на какую-угодно сторону, но чтобы отличить правовѣрныхъ отъ евреевъ, онъ предписываетъ первымъ молиться, обратившись къ Меккѣ.

Для Магомета была приобрѣтена земля въ Мединѣ. На ней строились дома для его женъ (для каждой отдѣльный), число которыхъ стало быстро увеличиваться. На ней была воздвигнута первая мечеть, служившая и для молитвъ, и для общественныхъ собраній, и для приѣма лицъ обращающихся къ Магомету. Магометъ установилъ, чтобы на молитву (азанъ) призывалъ съ мечети опредѣленную формулою моэдзинъ (возвѣститель). Вотъ эта формула, употребляющаяся до нынѣ: „Богъ великъ (4 раза), исповѣдую, что нѣтъ Бога кромѣ Бога (дважды), исповѣдую, что Магометъ посланникъ Божій (дважды). Идите на молитву (дважды). Идите ко благу (дважды). Богъ великъ (дважды). Нѣтъ Бога кромѣ Бога“. Эта форма призыва отличала мусульманъ отъ евреевъ, употреблявшихъ для призыва трубы, и отъ христіанъ, сзывавшихъ на молитву посредствомъ била.

Въ Мединѣ Магометъ нашель новую родину, но не могъ забыть о старой. Мекка была священна въ его глазахъ. Въ ней совершились великія событія съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ, Измаиломъ и т. д. Въ ней стоялъ храмъ каабы—храмъ Аллаху; правда, въ этомъ храмѣ стояли и идолы, но самый храмъ былъ воздвигнутъ истинному Богу. И эта святыня находилась въ рукахъ злѣйшихъ враговъ Магомета и при томъ идолопоклонниковъ. Магометъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: „сражайтесь на пути Божіемъ противъ тѣхъ, которые нападаютъ на васъ. Но не поступайте несправедливо, нападая на нихъ первыми, ибо Богъ не любитъ несправедливости. Убивайте ихъ вездѣ, гдѣ ни найдете, и гоните ихъ, откуда они васъ выгоняли. Испушеніе язычества хуже, чѣмъ военная сѣча. Не сражайтесь съ ними около дома молитвы, если только не нападутъ на васъ. Если они это сдѣлаютъ, убивайте ихъ. Таково возмездіе невѣрнымъ“. Ненужно нападать первымъ и ненужно вредить безвреднымъ иновѣрцамъ. Но мекканцы не были безвредными, о нихъ нельзя было сказать, что они не нападали на правовѣрныхъ и въ ихъ рукахъ была святыня нужная правовѣр-

нымъ и нѣкоторымъ образомъ даже оскверненная мекканцами. Право выступить противъ мекканцевъ, повидимому, Магомету представлялось безспорнымъ, но кромѣ права для этого дѣла нужна была еще сила и умѣнье управлять ею. Силы у Магомета пока было немного и въ томъ, какъ умѣло пользовался ею Магометъ и какъ искусно утилизировалъ ее, думаемъ, ясно видно, что это не былъ галлюцинаторъ въ экстаическихъ видѣнiяхъ почерпающей увѣренность въ побѣдѣ, но это былъ искусный тактикъ, не терявшій головы ни при успѣхѣ, ни при пораженiи.

Мекка была богатымъ торговымъ городомъ. Мекканскiе караваны шли мимо Медины далеко на сѣверъ въ Сирiю. Вотъ, эти караваны и привлекли къ себѣ благочестивое вниманiе пророка. Во время хаджа—4-хъ мѣсячнаго перiода, когда различныя арабскiя племена паломничали въ Мекку къ каабѣ—раздоры между арабами прекращались, и караваны не могли подвергаться нападенiю. Такова была арабская традицiя. Но обязаны ли слѣдовать ей мусульмане по отношенiю къ мекканцамъ, принудившимъ мохаджировъ покинуть свою родину? Этотъ вопросъ скоро долженъ былъ разрѣшить Магометъ, такъ какъ его послѣдователи захватили одинъ мекканскiй караванъ. Сначала въ Магометѣ заговорило было чувство традицiи, но потомъ другiя чувства получили въ немъ преобладанiе. Онъ слишкомъ много претерпѣлъ отъ мекканцевъ и если доселѣ оставался въ живыхъ, то во всякомъ случаѣ вопреки ихъ желанiямъ и намѣренiямъ. Затѣмъ, теорiя четырехъ священныхъ мѣсяцевъ почему должна быть для него обязательной? Мусульмане обособились отъ арабовъ-язычниковъ, слѣдовательно и отъ ихъ обычнаго права. Совокупность подобныхъ соображенiй, соединенныхъ съ глубокимъ презрѣнiемъ къ гнусности идолопоклонства, привели къ тому, что Магометъ раздѣлилъ добычу между своими. Явилась вторая сура корана (одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и большихъ, содержащая 286 стиховъ), которою отмѣнялось значенiе священнаго мѣсяца, какъ обязывающаго къ миру, и съ одной стороны запрещалось motu proprio нападать на невѣрныхъ, а съ другой стороны поощрялись подобныя нападенiя. Вскорѣ Магометъ самъ предпринялъ напасть на караванъ Абу-Софьяна возвращавшiйся изъ Сирiи въ Мекку. Караванъ

былъ огромный, стоимостью до 50000 динарiевъ (около 300,000 рублей). Слухъ о намѣренiяхъ Магомета достигъ до каравана. Абу-Софьянъ успѣлъ вытребовать себѣ подкрѣпленiе изъ Мекки. На встрѣчу ему двинулось для охраны его войско въ трое превышавшее численность отряда, съ которымъ дѣйствовалъ Магометъ. Пророкъ двинулся къ Бедру пункту, гдѣ обыкновенно останавливались караваны и гдѣ онъ думалъ захватить беззащитнаго Абу-Софьяна съ его богатствами. Но оказалось, что караванъ прошелъ этотъ пунктъ. Мекканскому отряду не оставалось ничего, какъ вернуться назадъ вмѣстѣ съ караваномъ. Но вотъ, здѣсь буквально можно выразиться, передавая воззрѣнiя мусульманъ: чортъ дернулъ ихъ повеличаться надъ послѣдователями Магомета. Мусульмане такъ и представляютъ, что сатана въ обликѣ Сураки подстрекалъ невѣрныхъ къ битвѣ. Мекканцы постановили отправиться къ Бедру, сдѣлать тамъ остановку и пировать три дня. Предпрiятiе окончилось для мекканцевъ очень печально. Правовѣрные заняли Бедру раньше. Мекканцы надвинулись на нихъ. Произошла битва. Имѣются детальныя описанiя этого сраженiя—безтолковаго и, не смотря на пролившуюся кровь, съ нашей точки зрѣнiя имѣющаго сильный комическiй отгѣнокъ. Отсутствие единства, дисциплины и регулярности должны были сообщить борьбѣ безтолковый характеръ. Но главное—важнѣйшимъ факторомъ въ битвѣ была психологiя. Вѣрный или невѣрный слухъ пущенный въ оборотъ немедленно поднималъ духъ или возбуждалъ панику. Къ несчастiю для мекканцевъ среди нихъ стали распространятся слухи наводящiе панику. У нихъ пало нѣсколько выдающихся лицъ, между тѣмъ Магометъ видѣлъ ангела Гавриила съ легiонами небожителей, сражавшимися за правовѣрныхъ. 49 мекканцевъ (въ числѣ ихъ Абу-Джахль) пало, почти столько же попало въ плѣнъ, и войско мекканцевъ бѣжало, не смотря на то, что оно продолжало втрое превосходить силы Магомета (мусульманъ пало 14 человекъ). Сотни верблюдовъ, оружiе и утварь достались мусульманамъ. Самымъ важнымъ была однако не военная добыча, а нравственное значенiе событiя. Имѣя силы втрое меньшiя, чѣмъ у враговъ. Магометъ одержалъ побѣду, между тѣмъ враги были не менѣе мужественны и не менѣе опытны, чѣмъ сподвижники Магомета. Такую побѣду можетъ даро-

вать только Богъ: слѣдовательно съ Магометомъ Богъ. Умо-
заключенія можетъ быть не такія по формѣ, но несомнѣнно
съ такимъ выводомъ должны были слагаться у многихъ, и
престижъ Магомета долженъ былъ возвыситься.

За всѣмъ тѣмъ было ясно, что окончательно побѣдить мек-
канцевъ и вступить въ Мекку и не легко и нельзя въ ско-
ромъ времени. Естественно было заняться прежде погоре-
ніемъ и уничтоженіемъ противниковъ болѣе слабыхъ. Та-
кими являлись евреи, т. е. они собственно не были против-
никами Магомета, у нихъ съ нимъ и его послѣдователями
былъ заключенъ договоръ, но они не признавали Магомета
пророкомъ. Положиться на нихъ, разумѣется, было нельзя
уже потому, что договоръ, который былъ съ ними заклю-
ченъ, былъ крайне для нихъ невыгоденъ и несомнѣнно
былъ ими принятъ только потому, что еслибы они его не
приняли добровольно, ихъ бы заставили сдѣлать это не-
вольно. Отношенія между евреями и мусульманами были
натянутыя. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ евреевъ
подумывали о мекканцахъ, какъ о своихъ возможныхъ изба-
вителяхъ. Въ окрестностяхъ Медины жило три еврейскихъ
племени: Бену-Кейнока, Бену-Надиръ и Бену-Корейза. Къ
нихъ несчастію между ними не было единства и солидарно-
сти. Дѣйствовалъ ли Магометъ по обдуманному плану или
образъ его дѣйствій опредѣлился случайностью, но во вся-
комъ случаѣ онъ изгналъ и уничтожилъ эти племена по
одиночкѣ. Первымъ преслѣдованію Магомета подверглось
племя Кейнока. Между евреями этого племени и мусульма-
нами произошелъ какой-то споръ и драка, закончившаяся
убійствомъ. Магометъ привязался къ этому случаю, возбу-
дилъ своихъ послѣдователей противъ Кейнока, послѣ двух-
недѣльной осады принудилъ ихъ къ сдачѣ, хотѣлъ, было,
даже истребить ихъ, но затѣмъ дозволилъ имъ удалиться,
а ихъ земли, дома и имущества достались мусульманамъ.

Между тѣмъ Мекканцы стремились отмстить за поражение
при Бедрѣ. Правовѣрные пытались грабить ихъ караваны,
они производили рекогносцировки съ 'поджогами и, на-
конецъ, въ количествѣ 3000 человекъ двинулись на Медину.
Магометъ въ концѣ концовъ могъ выставить противъ нихъ
всего лишь 700. Такимъ образомъ мекканцы превосходили
правовѣрныхъ численностію болѣе, чѣмъ въ 4 раза. При

Оходѣ близъ Медины враги встрѣтились. Сначала успѣхъ въ битвѣ былъ на сторонѣ мусульманъ. Но именно этотъ успѣхъ начала и послужилъ причиною пораженія. Вообразивъ, что дѣло уже выиграно, стрѣлки Магомета охранявшіе лѣвый флангъ сзади, куда только и могла пробиться непріятельская конница, бросились на грабежъ. Непріатели прорвались чрезъ незащищенное мѣсто. Магомету камнемъ раскроили губу и выбили зубъ. Повидимому, получилъ онъ и еще кое-какіе основательные удары. Онъ упалъ на землю. Разнесся слухъ, что онъ убитъ. Правовѣрные разбѣжались. Было убито 72 мусульманина, а у мекканцевъ всего 27 человекъ. Но мекканцы не стали ихъ преслѣдовать. Не сдѣлали этого даже и тогда, когда узнали, что слухъ о смерти Магомета былъ невѣрнымъ. И то, чего они достигли, доставило имъ торжество. Между тѣмъ тотъ самый путь умозаключеній, который послѣ сраженія при Бедрѣ велъ къ мысли, что Магометъ пророкъ, теперь послѣ сраженія при Оходѣ велъ къ противоположному выводу. Еслибы съ Магометомъ былъ Богъ, то Магометъ одержалъ бы побѣду, но Магометъ разбитъ, слѣдовательно, Богъ не съ нимъ, слѣдовательно, онъ—не пророкъ Божій. Магометъ однако не смутился ни происшедшимъ пораженіемъ, ни явившимися умозаключеніями. Въ 3-й сурѣ (200 стиховъ) онъ напомнилъ о побѣдѣ при Бедрѣ, установилъ, какъ несомнѣнное, что Богъ даетъ побѣду вѣрнымъ и при самыхъ ничтожныхъ силахъ у нихъ. Онъ выяснилъ и событіе при Оходѣ (142—151). Побѣда тамъ давалась уже вѣрнымъ. „Богъ уже исполнилъ свои обѣщанія, когда вы по его повелѣнію разбили вашихъ враговъ; но ваша храбрость склонилась, и вы заспорили о дѣлѣ, которое вы знаете, вы не послушались, когда пророкъ указалъ вамъ то, чего вы желали.... Тѣ, которые удалились въ день встрѣчи двухъ войскъ, были возмущены сатаной въ наказаніе за какой-нибудь совершенный грѣхъ. Богъ простилъ ихъ, потому что Онъ терпѣливъ и милостивъ“. Итакъ, пораженіе есть наказаніе за грѣхъ, и бѣжавшіе прощены. Не одно наказаніе имѣлъ въ виду Богъ, лишивъ побѣды правовѣрныхъ. Раннѣйшій успѣхъ Магомета сдѣлать то, что въ ряды его послѣдователей кромѣ людей искреннихъ вступили и „лицемѣры“. При неуспѣхѣ эти „лицемѣры“ не замедлили открыть себя. Такимъ образомъ пораженіе было

нужно, чтобы открыть и обличить ихъ. Къ слову увѣщанія и вразумленія Магометъ присоединилъ и дѣло. Онъ предпринялъ преслѣдованіе удалившихся мекканцевъ, но можетъ быть къ счастію для него, онъ ихъ не догналъ и возвратился благополучно. Нужно было однако побѣдить кого-нибудь. Магометъ получилъ откровеніе, что одинъ еврей изъ племени Бену-надиръ хочетъ его убить. Можетъ быть дѣйствительно, какъ существуютъ нѣкоторыя указанія, бену-надирцы сдосились съ корейшитами. Такъ или иначе Магометъ потребовалъ ихъ удаленія, осадилъ ихъ, уничтожилъ ихъ пальмовыя плантаціи и принудилъ ихъ къ выселенію, сдѣлавъ по обычаю ихъ имущество добычей мусульманъ.

Не забывая о Меккѣ и не опуская ее изъ виду, Магометъ сталъ совершать походы на разныя мелкія племена, покоряя ихъ одно за другимъ и обогащая своихъ послѣдователей добычей. Но мекканцы, ободренные побѣдою при Оходѣ, рѣшили предпринять новый походъ на Медину. Опасность грозила большая. Шло около 10 тысячъ чловѣкъ. Но какъ бы въ новое доказательство того, что съ Магометомъ Богъ, опасность совсѣмъ не перешла въ бѣду. Персъ Салманъ освобожденный изъ рабства за то, что принялъ исламъ, предложилъ Магомету окопать всю Медину широкимъ и глубокимъ рвомъ. Тогда вступить въ городъ мекканскому войску не могло быть легко. Мединцы такъ и сдѣлали. Приемъ этотъ былъ анти-арабскій. Въ духъ арабовъ смѣло идти на встрѣчу противника, а не прятаться отъ него. Но если этотъ приемъ и не свидѣтельствовалъ о храбрости, то въ немъ было много мудрости. Мекканцы подошли, не запасшись припасами и расположившись около города скоро начали терпѣть нужду. Они дѣлали попытки прорваться въ городъ. Попытки кончались неудачею. Они вступили тогда въ тайные переговоры съ евреями Бену-корейза, жившими въ юго-восточномъ предмѣстьи Медины. Магометъ узналъ объ этомъ, приступы противниковъ онъ отбилъ. Кромѣ этого при помощи своихъ людей достигъ того, что внушилъ мекканцамъ недовѣріе къ Бену-корейза. Дѣло кончилось тѣмъ, что мекканцы сняли осаду и отправились въ Мекку. Окопная война окончилась почти безъ пролитія крови. Но ея прямымъ слѣдствіемъ было истребленіе племя Бену-корейза. Магометъ немедленно двинулся на

ихъ кварталъ. Нѣсколько дней они выдерживали осаду и затѣмъ сдались, рассчитывая вѣроятно, что съ ними будетъ поступлено, какъ съ Кейнока или Надиръ. Магометъ представилъ рѣшеніе ихъ участи на третейской судъ одного изъ своихъ вождей Саада, смертельно ненавидившаго Корейза. Саадъ по милости ихъ получилъ смертельную рану при осадѣ. Приговоръ умирающаго вождя былъ кратокъ: мужчинъ обезглавить, женщинъ и дѣтей продать въ неволю, добычу—воинамъ. Приговоръ приведенъ былъ во исполненіе. Только одна еврейка, красавица Рейхана, вмѣсто того, чтобы стать рабыней, сдѣлалась женою пророка.

Съ гибелью племени Корейза Магометъ становился общепризнаннымъ владыкой и духовнымъ главою Медины и ея окрестностей. Медина становилась теперь упроченнымъ центромъ, изъ котораго пророкъ долженъ былъ распространять свою вѣру и власть по отношенію къ периферіи. Подчиняя себя все вокругъ, Магометъ въ то же время продолжалъ и дѣло устроенія общества. Выработывалось постепенно мусульманское право, которое должно было замѣнить собою арабскіе обычаи. Эта мысль, что исламъ несетъ гибель прежнимъ арабскимъ традиціямъ, формулировалъ одинъ изъ мусульманъ прежній другъ Кейнока, отрекшійся отъ нихъ въ слѣдующихъ словахъ: „сердца перемѣнились, и исламъ уничтожаетъ всѣ договоры“. Эта формула несомнѣнно была искреннимъ убѣжденіемъ Магомета, и это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ его дѣйствій, въ которыхъ онъ отступалъ отъ древне-арабскихъ обычаевъ.

Въ битвахъ Магометъ выработывалъ военную тактику, въ сношеніяхъ и договорахъ съ племенами политику, въ своихъ проповѣдяхъ — вѣроученіе, обстоятельства его личной жизни заставляли его разработать семейное право. Въ Меккѣ онъ былъ мужемъ Хадиджи, въ Мединѣ онъ сталъ мужемъ многихъ женъ. Нѣкоторые изъ эпизодовъ его семейной жизни повели за собою возникновеніе цѣлыхъ суръ корана. Потерявъ сыновей отъ Хадиджи, Магометъ усыновилъ своего бывшаго раба Зейда и развилъ теорію, что пріемышь есть тоже самое, что и родной сынъ. Въ этой теоріи и въ Зейдѣ осиротѣлый отецъ нашелъ такимъ образомъ успокоеніе. Однажды Магометъ зашелъ къ Зейду, когда его не было дома и встрѣтилъ его жену Зейнабу въ очень легкомъ ко-

стюмъ. Красота Зейнабы поразила Магомета, что онъ ей и высказалъ. Зейнаба похвасталась этимъ предъ Зейдомъ. Зейдъ тогда предложилъ свою красивую супругу въ супруги Магомету. Пророкъ сначала колебался. Отцу взять жену сына въ сущности значить съ точки зрѣнія самыхъ различныхъ народовъ взять замужъ свою дочь. Но потомъ пророкъ пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, по которымъ его женитьба на Зейнабъ не представляла ничего предосудительнаго.

Приемышъ не тоже, что сынъ. „Богъ не далъ человѣку двухъ сердецъ. Онъ не далъ, чтобы ваши супруги, которыхъ вы можете отвергнуть, были для васъ какъ матери, ни того, чтобы ваши приемыши были какъ собственныя дѣти. Эти слова только въ вашихъ устахъ. Одинъ Богъ говоритъ правду, и направляетъ на путь истинный. Называйте вашихъ сыновей—приемышей по имени ихъ отцовъ, это будетъ справедливѣе предъ Богомъ. Если вы не знаете отцовъ ихъ, то пусть будутъ ими ваши братья по вѣрѣ и ваши подчиненные; не будетъ никакого грѣха, если вы обманетесь въ этомъ отношеніи; но будетъ грѣхъ, если вы составляете вольные вымыслы. Богъ полонъ благодати и милосердія“ (сура 33, 4—6). Зейдъ развелся съ Зейнабой, Магометъ взялъ ее себѣ въ жены, и 37-й стихъ 33 суры отъ имени Аллаха говоритъ по этому поводу слѣдующее: „О Магометъ. Ты однажды сказалъ человѣку, къ которому Богъ былъ полонъ благодати и котораго осыпалъ своими щедротами: береги свою жену и бойся Бога, а ты скрывалъ въ своемъ сердцѣ то, что Богъ тотчасъ долженъ былъ выставить на свѣтъ. Ты боялся людей, хотя справедливѣе было бояться Бога. Но когда Зейдъ взялъ свою долю и рѣшилъ отвергнуть свою жену, мы соединили ее съ тобою бракомъ, потому что вѣрующимъ нѣтъ преступленія жениться на женахъ своихъ приемышей, послѣ развода съ ними. И предопредѣленіе Божіе исполнилось“.

При небольшихъ и неопасныхъ походахъ Магометъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою какую-либо изъ женъ. Въ одну такую рекогносцировку онъ взялъ съ собою Аишу, съ которой онъ обручился, когда ей было 6—7 лѣтъ и на которой женился, когда ей было 10. Послѣ Хадиджи Аиша имѣла на него самое сильное вліяніе. На возвратномъ пути Аиша потеряла ожерелье. Во время остановки она отправилась его

искать, нашла, но когда вернулась, увидела, что караванъ уже ушелъ, и ушелъ ея верблюдъ, на которомъ былъ замкнутый паланкинъ. Могли подумать, что Аиша въ немъ спала. А кто знаетъ—можетъ быть руководились и недобрыми цѣлями. Аиша была умна, вліяла на Магомета и нѣкоторые имѣли основанія бояться отъ нея непріятностей. Аишу нашла одинъ запоздавшій молодой человѣкъ Совфанъ, который и довезъ ее на своемъ верблюдѣ. Разумѣется, возвращеніе супруги стараго пророка съ молодымъ человѣкомъ немедленно родило злостныя сплетни. Магомета постарались вооружить противъ Аиши и достигли того, что онъ пересталъ обращать на нее вниманіе. На Аишу это подѣйствовало такъ, что она заболѣла и попросила Магомета позволить ей вернуться къ отцу. Это—обычная формула развода. Магометъ началъ совѣтоваться съ приближенными, что ему дѣлать. Одни совѣтовали развестись и вотъ это-то и заставляетъ думать, что кой-кто не долюбивалъ Аишу. Другіе совѣтовали не разводиться. Третьи совѣтовали нарядить слѣдствіе. Но какъ его было нарядить и произвести? Магометъ самъ обращался къ Аишѣ, она сначала молчала, затѣмъ разразилась рыданіями, съ клятвою Аллаху утвердила свою невинность и закончила: „все, что я могу сдѣлать, это сказать вмѣстѣ съ отцомъ Юсифа — отъ волненія Аиша по ея послѣдующему разсказу забыла имя Іакова—мнѣ подобаетъ терпѣніе, одинъ Господь — мой помощникъ“. Послѣ этого Аллахъ возвѣстилъ Магомету о невинности Аиши и онъ сообщилъ это ей. „Благодареніе Богу“, отвѣтила Аиша. Но разъ Аллахъ утвердилъ невинность Аиши, то какъ отнестись къ тѣмъ, которые настаивали на ея виновности. Конечно, жены пророка, видно, были не то же, что жена цезаря. Подозрѣніе ихъ касаться могло, но теперь обвиненія Аиши оказались клеветою. Клеветники должны были быть наказаны. Ренанъ говорилъ, что въ образованіи ислама играли значительную роль женщины. Въ общемъ это, конечно, невѣрно. Но относительно 24 суры мы лично склонны думать, что нѣкоторые стихи ея продиктованы Магомету не Аллахомъ, а тринадцатилѣтней Аишей. Таковымъ особенно представляется 4-й стихъ: „которые приносятъ обвиненія на честныхъ женщинъ безъ возможности представить 4-хъ свидѣтелей, будутъ наказаны восьмидесятью ударами розогъ;

въ добавокъ вы никогда не примете ихъ свидѣтельства въ чемъ бы то ни было; ибо они злы“. Хотя законъ былъ изданъ послѣ преступленія, однако онъ былъ примененъ къ дѣлу, былъ между прочимъ высѣченъ одинъ придворный поэтъ Хассанъ. Послѣ этого онъ уже предпочиталъ воспѣвать Аишу, а не обвинять ее въ невѣрности.

Магометъ имѣлъ болѣе 12 женъ, не считая наложницъ. Конечно, между супругами пророка не могло быть единодушія. Но можно еще удивляться тому, что нѣтъ никакихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крѣпкихъ раздорахъ въ его широкой семьѣ. Затѣмъ не видно, чтобы этотъ восточный правитель являлся по отношенію къ своимъ женамъ деспотомъ или тираномъ. Александрійскій правитель подарилъ ему коптянку Маріятѣ. Дома для нея не было выстроено. Случилось, что Хавса, одна изъ супруговъ пророка, отлучилась изъ своего дома. Пророкъ повелъ въ этотъ домъ Маріятѣ. Дни Магомета были распределены между его женами, и этотъ день принадлежалъ Хавсѣ. Она неожиданно возвратилась и закричала: „какъ въ моемъ домѣ и въ мой день и ты еще называешься пророкомъ“. Для характеристики Магомета интересно, что онъ смутился, призналъ себя неправымъ и довольно малодушно просилъ Хавсу не рассказывать другимъ женамъ о происшедшемъ. И уже только то несчастное обстоятельство, которое, разумѣется, можно было предвидѣть, что Хавса разболтала о происшедшемъ, рассказала Аишѣ и должно быть пророку досталось отъ двухъ супруговъ, только это привело къ тому, что Магометомъ получено было откровеніе, позволявшее ему безъ всякихъ условій искать удовлетворенія въ своихъ женахъ (66 сура, 1 ст.) и призывавшее Хавсу и Аишу къ раскаянію. „Если вы возвращаетесь къ Богу (если раскаиваетесь), ибо сердца ваши уклонились, то Богъ проститъ васъ, но если вы обѣ соединились противъ пророка, то знайте, что Богъ его покровитель, что Гавриилъ, что всякій справедливый человѣкъ между вѣрующими и ангелы окажутъ ему помощь. Если онъ отвергнетъ васъ, то можетъ дать ему женъ лучше васъ“ (66, 4—5). Отъ Маріаты Магометъ имѣлъ сына (вскорѣ умершаго). Онъ принесъ младенца къ Аишѣ и сказалъ, что никогда еще сынъ такъ не походилъ на отца. На что Аиша отвѣтила, что она не видитъ ни малѣйшаго сходства между

отцомъ и сыномъ. Несомнѣнно, что такое заявленіе не могло быть пріятно ни отцу, ни матери. Видно, что Магометъ не препятствовалъ своимъ женамъ говорить непріятныя ему вещи. Едвали своею властію онъ могъ прекращать и ихъ столкновенія. Одна изъ его жень—еврейка (Рейхана? Сафія?) жаловалась ему, что другія жены презирають ее и говорятъ ей: „ты жидовка, дочь жида и жидовки“. Магометъ сказалъ ей: „а ты имъ отвѣтъ: Авраамъ—мой отецъ, Моисей—дядя, Магометъ—мужъ“. Нигдѣ не видно, чтобы въ своихъ отношеніяхъ къ женамъ Магометъ опирался на могучую власть, которою несомнѣнно онъ располагалъ по отношенію къ нимъ, онъ предпочиталъ въ своихъ притязаніяхъ апеллировать къ своему достоинству пророка: „О жены пророка; вы не то, что другія жены; если вы боитесь Бога, не показывайте слишкомъ ласку въ своихъ словахъ изъ опасенія, чтобы мужчина, сердце котораго заражено слабостію, не имѣлъ на васъ постыдныхъ желаній. Ведите всегда разговоръ скромный. Оставайтесь покойно въ своихъ домахъ, не предавайтесь роскоши прошлыхъ временъ невѣжества (язычества), соблюдайте часы молитвы, творите милостыню, повинуйтесь Богу и Его посланнику. Богъ хочетъ только удалить мерзость отъ васъ всѣхъ, его семейства и увѣрять васъ въ совершенной чистотѣ“ (33 сура, 33 ст.). Такъ Магометъ чистоту своего семейнаго очага хотѣлъ охранить не репрессаліями въ восточномъ духѣ, а внушеніемъ страха Божія.

Завѣтною религіозною мечтою Магомета было овладѣть ключами Каабы, которыми нѣкогда по преданію овладѣлъ его предокъ. Магометъ ждалъ, когда его могущество станетъ достаточнымъ для того, чтобы можно было двинуться на Мекку. Весною 628 года онъ сообщилъ правовѣрнымъ, что во снѣ онъ совершилъ паломничество [въ Мекку, обошелъ Каабу, совершилъ надлежащіе обряды и получилъ ключи отъ Каабы. Правовѣрные выразили искреннее желаніе, чтобы совершилось на яву то, что пророкъ видѣлъ во снѣ. Рѣшили совершить малый Хаджъ въ мѣсяцъ Зулькаде и явиться въ Мекку въ видѣ пилигримовъ, т. е. не имѣя никакого оружія кромѣ меча, вложеннаго въ ножны. Мусульмане думали, что мекканцы не окажутъ имъ сопротивленія и не стануть съ ними воевать въ священный мѣсяцъ, но

вскорѣ оказалось, что мекканское войско двигается на встрѣчу правовѣрнымъ. Магометъ свернулъ тогда съ прямой на окольную дорогу и остановился въ мѣстности Ходейбія—на границахъ священной земли. Отсюда между мусульманами и мекканцами начались переговоры, которые и закончились слѣдующимъ договоромъ, заключеннымъ отъ лица Магомета со стороны правовѣрныхъ и отъ лица Сухейля со стороны мекканцевъ. „Во имя твое, о Аллахъ. Вотъ условія, на которыхъ заключается миръ между Магометомъ, сыномъ Абдуллы, и Сухейлемъ, сыномъ Амра. Они согласились не вести войны между договаривающимися сторонами на 10 лѣтъ. Въ теченіе этого времени обѣ стороны безопасны, та и другая обязаны не нарушать мира. При этомъ, если кто изъ корейшитовъ безъ вѣдома имѣющихъ надъ нимъ законное право, перейдетъ къ Магомету, послѣдній обязанъ выдать его. Если кто отъ Магомета перейдетъ къ корейшитами, тѣ не обязаны возвращать его обратно. Да будетъ между нами искренность безъ лицемерія, да не будетъ тайной неприязни или хитрости. Если кто изъ другихъ племенъ захочетъ вступить въ договоръ или союзъ съ Магометомъ, это дозволяется. Дозволяется заключать таковой же и съ корейшитами. Затѣмъ обязанъ ты (Магометъ) въ этомъ году очистить нашу область и не возвращаться въ Мекку. А по истеченіи года мы тебѣ очистимъ (городъ) передъ твоимъ прибытіемъ. Тогда можешь ты и сопровождающіе тебя вступить туда и пробыть три дня вооруженные тѣмъ, что нужно въ дорогъ: мечами въ ножнахъ; никакого иного (оружія) не имѣешь ты и твои права надѣвать“. Тонъ договора показываетъ, что онъ, повидимому, диктовался корейшитами (обязанъ ты—Магометъ). Въ его содержаніи есть много, что должно было казаться унижительнымъ для Магомета и невыгоднымъ для мусульманъ. Аллаху не приписано обычныхъ предикатовъ въ исламѣ—милостивѣйшаго и милосердаго, Магометъ не названъ посланникомъ Божиимъ, ему какъ совершенно равная величина противопоставляется Сухейль, который въ глазахъ мекканцевъ не представлялъ собою ничего необыкновеннаго. Затѣмъ по договору вышло, что корейшиты имѣютъ право отнимать союзниковъ у Магомета, а Магометъ не смѣетъ дѣлать этого по отношенію къ корейшитами. Затѣмъ, ближайшею для исполненія

статьей договора являлась та, согласно которой Магометъ долженъ былъ немедленно убираться изъ области Мекки. Правовѣрные глубоко возмущались, когда писался договоръ. Когда онъ былъ написанъ, Омаръ началъ ругать Магомета за его малодушную уступчивость. Магометъ все время оставался спокойнымъ. Абу-Бекръ сказалъ Омару, указывая на Магомета: „держись крѣпче за его стремя: онъ—посланникъ Божій“. Абу-Бекръ понялъ, что въ глазахъ Магомета этотъ договоръ былъ торжествомъ и шагомъ къ полному торжеству. Съ корейшитской точки зрѣнія Магометъ до этого договора трактовался какъ мекканскій преступникъ, подлежащій смертной казни. Теперь корейшиты признаютъ въ немъ представителя интересовъ племенъ и признаютъ за арабскими племенами право вступать съ нимъ въ союзы. Этимъ параграфомъ немедленно стали пользоваться племена, потому что союзъ съ Магометомъ привлекалъ ихъ уже возможностью военной добычи. Самымъ унижительнымъ пунктомъ договора, повидимому, было то, что союзники корейшитовъ не могли переходить къ Магомету. Этотъ параграфъ вскорѣ попросили вычеркнуть сами корейшиты. Случилось это такъ. Нѣкто Абу-Басиръ изъ Мекки принялъ исламъ и бѣжалъ въ Медину. Потребовали его выдачи. Магометъ выдалъ. Но Абу-Басиръ бѣжалъ съ дороги, собралъ около себя шайку челоувѣкъ въ 70, сталъ грабить корейшитовъ и надѣлалъ столько бѣдъ, что корейшиты всѣмъ желающимъ разрѣшили переселяться въ Медину и упрашивали Магомета уничтожить сначала ими же предложенный параграфъ. Такъ Магомета признали въ Меккѣ, оставалось признать его господство.

Но однако непосредственнымъ впечатлѣнiемъ, которое произвелъ договоръ на недалёковидныхъ послѣдователей пророка, было унынiе. У Магомета былъ маневръ, который онъ всегда употреблялъ для разсѣянiя подобнаго унынiя среди малодушныхъ. Если крупная добыча срывалась, онъ бросался на мелкую. Обыкновенно этой мелкой добычей становились евреи. И теперь онъ устремился на евреевъ, жившихъ въ Хиджазѣ. Послѣ двухнедѣльной осады евреи сдались. Имъ было позволено удалиться съ женами и дѣтьми, но безъ имущества, которое доставалось правовѣрнымъ. Но такъ какъ землю дѣвать было некуда, то евреямъ было по-

зволено вернуться вновь для ея обработки, но уже на арендныхъ условіяхъ и на срокъ, „какъ долго угодно будетъ Богу“. Одна еврейка (Зейнабъ), родные которой погибли при осадѣ, прислала Магомету въ подарокъ отравленное мясо овцы. Ядъ сообщилъ мясу омерзительный вкусъ. Магометъ попробовалъ, выплюнулъ и не сталъ ѣсть. Одинъ изъ его гостей отравился на смерть, и Магометъ до смерти утверждалъ, что чувствуетъ въ себѣ дѣйствіе яда и свою смертельную болѣзнь приписалъ этому же яду.

Въ 629 году Магометъ съ толпами пилигримовъ совершилъ хаджъ въ Мекку. Онъ торжественно вступилъ въ священный городъ. Его дядя Аббасъ женилъ его на своей овдовѣвшей невѣсткѣ Меймунѣ. Но когда пророкъ, ссылаясь на предлогъ брачныхъ торжествъ, хотѣлъ было продлить срокъ своего пребыванія въ Меккѣ далѣе условленныхъ трехъ дней, Сухейль потребовалъ, чтобы договоръ былъ исполненъ въ точности, и Магометъ съ своими приверженцами принужденъ былъ покинуть Мекку. Но онъ успѣлъ, должно быть, сдѣлать не мало. Несомнѣнно онъ и раньше, когда еще видѣлъ во снѣ ключи отъ Каабы, сносился съ мекканцами, зналъ настроеніе города и непрестанно привлекалъ на свою сторону все большее и большее число лицъ. Теперь тѣ, которые въ качествѣ бѣглецовъ покинули Мекку вмѣстѣ съ Магометомъ, снова вступали въ сношенія съ своими мекканскими родственниками, и послѣдніе должны были убѣждаться, что доля послѣдователей пророка оказывалась вовсе не жалкой. Малый хаджъ далъ возможность Магомету и его приверженцамъ завязать и установить многія сношенія. Время овладѣть Меккой наступило. Но для того, чтобы овладѣть ею, нужно нарушить договоръ или—лучше—нужно выискивать и дожидаться случая, который бы далъ право на нарушеніе договора. Магометъ скоро нашелъ такой случай. Племя хозайтовъ, находившееся въ союзѣ съ Магометомъ, имѣло постоянныя столкновенія съ племенемъ бекритовъ, бывшимъ въ союзѣ съ корейшитами. Одинъ хозайтъ побилъ бекрита за эпиграмму на Магомета. Бекриты за это напали въ расплехъ на хозайтовъ и многихъ перерѣзали. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ этомъ движеніи противъ союзниковъ Магомета участвовали нѣкоторые корейшиты. Магометъ рѣшилъ, что договоръ на-

рушенъ и что онъ имѣетъ право наказать мекканцевъ. Мекканцы и сами это почувствовали. Они вступили въ переговоры съ Магометомъ, но эти переговоры не привели ни къ чему и не выяснили истинныхъ намѣреній Магомета. Онъ скрывалъ ихъ даже отъ самыхъ близкихъ людей—отъ Аиши и отъ ея отца своего ближайшаго друга Абу-Бекра. Этотъ его способъ дѣйствій, думаемъ, совершенно разбиваетъ теорію, что Магометъ не достигъ бы ничего, еслибы не было Омара и Абу-Бекра. Еслибы ихъ не было, этотъ тонкій дипломатъ нашель бы ихъ, т. е. вмѣсто Омара и Абу-Бекра онъ нашель какихъ-либо Ибрагима или Совфана и они служили бы ему такъ же, какъ Абу-Бекръ. Онъ зналъ, кто ему нуженъ и находилъ нужныхъ людей. У арабовъ были въ ходу между племенами поэтическія единоборства, и Магометъ окружилъ себя поэтами, которые своими эпиграммами и стихами привлекали на его сторону людей ему враждебныхъ. Недаромъ, вѣдь, и поэтъ сплетничавшій про Аишу, въ концѣ концовъ былъ не только прощенъ, но и одаренъ. Магометъ находилъ и военныхъ тактиковъ и полководцевъ и умѣлъ завоевывать сердца людей такъ, что они отдавали ему своихъ женъ и за него отдавали жизнь. Но ихъ умъ и руки нужны были ему лишь за тѣмъ, чтобы служить его цѣлямъ, а не за тѣмъ, чтобы совершать для него сюрпризные покоренія и завоеванія. Магометъ дѣлалъ обширныя военныя приготовленія, но не объявлялъ объ ихъ цѣли. Если принять во вниманіе, что имъ уже намѣчались походы на сѣверъ, то, понятно, многимъ могла и не приходиться въ голову мысль о Меккѣ. Магометъ даже выслалъ небольшой отрядъ на сѣверъ, что еще болѣе должно было устранять мысль о мекканскомъ походѣ. Затѣмъ онъ быстро и съ большими силами двинулся на Мекку. Здѣсь должно быть ведена была энергичная пропаганда въ его пользу. Его дядя Аббасъ всегда относившійся къ нему дружественно, но не принимавшій ислама, теперь выступилъ ему на встрѣчу и принялъ исламъ. Высланный на развѣдки Абу-Софьянъ былъ, какъ мы рассказывали, приведенъ къ исповѣданію ислама доводами Аббаса. Если не считать небольшой схватки, кончившейся тѣмъ, что противниковъ Магомета разогнали, Магометъ вступилъ въ Мекку безъ всякаго сопротивленія. Его родной городъ такъ долго преслѣдовавшій

его и такъ долго сопротивлявшійся ему, теперь былъ въ его полной власти. Ключи Каабы уже не во снѣ, а на яву оказались въ рукахъ пророка. Мекканцамъ не было причинено никакого вреда. Они только стали союзниками Магомета. Ихъ войско должно было теперь служить Магомету, но за это и пользоваться добычей такъ же, какъ и магометане. Принятіе ислама для мекканцевъ не было обязательнымъ. Магометъ не счелъ нужнымъ дѣлать обязательнымъ того, что, по его соображеніямъ, должно было сдѣлаться само собою. Мекканцы постепенно приняли исламъ *sua sponte*.

Магометъ становился могучимъ владыкой Аравіи. Еще когда онъ съ своимъ войскомъ приближался къ Меккѣ, Абу-Софьянъ, глядя на него, сказалъ Аббасу: „однако твой племянникъ—могучій властелинъ“.—„Ты забылъ, сказалъ Аббасъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ познавшій истинность ислама, что онъ еще и пророкъ“.—„Ахъ, да“, вспомнилъ забывчивый Софьянъ. Но всетаки Аравія была покорена не вся. Сосѣдній съ Меккою городъ Таифъ, изъ котораго нѣкогда выгнали Магомета, чуть не побивъ его камнями, въ союзъ съ нѣкоторыми бедуинскими племенами, составилъ коалицію противъ Магомета. Пророкъ выступилъ противъ нихъ съ бедуинами, мекканцами и мединцами. Сначала его дѣло оказалось плохо. Бедуины и мекканцы оказались ненадежными, но энергія мединцевъ вдохнула мужество и въ остальныхъ. Войско противниковъ было разбито и оно бѣжало. Правовѣрнымъ попало въ плѣнъ 6000 женщинъ и дѣтей, 24,000 верблюдовъ, множество мелкаго скота и имущество побѣжденныхъ. Если въ самой битвѣ Магометъ обнаружилъ таланты полководца, то въ томъ, какъ онъ поступилъ съ добычей, онъ проявилъ себя тонкимъ дипломатомъ. Ему хотѣлось привлечь къ себѣ побѣжденныхъ таифцевъ, укрѣпить свою связь съ мекканцами и не обидить мединцевъ. Онъ достигъ всего, чего хотѣлъ. Онъ предложилъ прежде всего вознаградить мекканцевъ и имъ была отдана вся добыча въ предположеніи, что мединцамъ достанутся деньги за проданныхъ въ рабство женъ и дѣтей. Затѣмъ явились послы отъ враговъ, объявлявшіе, что они готовы вступить въ союзъ съ Магометомъ и принять исламъ, если имъ будутъ возвращены жены, дѣти и имущество. Ма-

гометъ заявилъ, что имущество онъ возвратитъ не можетъ, но женщины и дѣтей возвратилъ имъ безъ всякаго выкупа. Это великодушіе сильно подѣйствовало на противниковъ. Ихъ вождь Маликъ, а за нимъ и другіе немедленно приняли исламъ. Но однако мединцы остались безъ добычи. Исконные и искренніе друзья Магомета были обойдены, они начали роптать. Между тѣмъ Магометъ долженъ былъ вмѣстѣ съ ними возвратиться въ Медину и уже ранѣе утвердиль, что онъ будетъ всегда имѣть постоянное жительство въ этомъ пріютившемъ его городѣ. Онъ обратился къ мединцамъ съ рѣчью. „Вы негодуете на то, что другіе увели съ собою овецъ и верблюдовъ, а сами кого вы уводите? Вы ведете съ собою на родину посланника Божія... Еслибы весь міръ двинулся въ одну сторону, а ансары (союзники—мединцы) въ другую, клянусь, я остался бы съ моими ансарамъ. О всемогущій, будь же вѣчно милосердъ къ ансарамъ и къ сынамъ ансаровъ и къ сынамъ сыновъ ансаровъ“. Среди мединцевъ поднялись плачь и рыданіе. Раздались громкіе крики: „мы довольны тобою всѣ, о посланникъ Божій, и судьбою и участіемъ твоимъ“. Такъ, Магометъ своимъ врагамъ отдалъ ихъ семейства, мекканцамъ—добычу, а мединцамъ—самого себя и привлекъ всѣхъ.

Хотя Аравія была обращена въ исламъ еще не вся и не безусловно, хотя въ Таифѣ еще держался и почитался идолъ Аллатъ и только немного позже былъ низвергнуть, при чемъ его, кажется, оплакивали даже менѣе, чѣмъ Перуна въ Кіевѣ, однако взоры и намѣренія Магомета простирались уже далеко за предѣлы Арабскаго полуострова. Аллахъ есть Творецъ міра и владыка вселенной и пророкъ хотѣлъ, чтобы весь міръ почиталъ этого владыку. Еще ранѣе, чѣмъ Мекка признала его пророкомъ, онъ уже посылалъ свои войска для завоеваній на сѣверъ. Онъ послалъ Зейда съ трехтысячнымъ отрядомъ на сѣверъ, при чемъ предвидя опасности похода онъ постановилъ, что въ случаѣ смерти Зейда долженъ замѣнить Джафаръ (сынъ Абу-Талифа, двоюродный братъ Магомета) и Джафара-Ибнъ Раваха. У южной оконечности Мертваго моря въ мѣстечкѣ Мута столкнулись правовѣрные съ войсками императора Ираклія. Зейдъ, Джафаръ, Ибнъ Раваха были убиты. Мусульмане обратились въ беспорядочное бѣгство. Только Халидъ установилъ поря-

докъ среди бѣглецовъ и привелъ ихъ въ Медину. Магометъ далъ за это Халиду имя „Божій мечъ“. Послѣ этого вскорѣ онъ отправилъ новыя экспедиціи противъ сѣверныхъ арабскихъ племенъ и ему удалось подчинить ихъ себѣ. Затѣмъ пророкъ отправилъ посольства — по всей вѣроятности это было не одновременно — къ византійскому императору Гераклию, шаху Персіи, абиссинскому негусу, царю Йемамы (на востокъ отъ Медины), правителямъ Египта и Сиріи, правителю Йемена (персидскому намѣстнику). Въ письмахъ, отправленныхъ съ посольствами, онъ предлагалъ императорамъ и правителямъ принять исламъ и подчиниться ему. Императоры, видно, отнеслись къ этому предложенію съ презрѣніемъ. Вѣроятно, претензіи вождя арабскихъ бедуиновъ показали имъ болѣе смѣшными, чѣмъ наглыми. Но намѣстники и правители второго порядка отнеслись къ предложенію Магомета съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Имъ представлялась возможность выбора для себя владыки, при чемъ естественно у нихъ возникало соображеніе: нельзя ли дѣйствительнаго прежняго владыку замѣнить номинальнымъ новымъ.

Упрочивъ въ общемъ, хотя и не вполне, свое владычество въ Аравіи, Магометъ, видно, безусловно рѣшилъ выступить за ея предѣлы. Кромѣ религиозныхъ убѣжденій и соображеній имъ несомнѣнно двигалъ двойной политической расчетъ: 1) арабовъ наиболѣе могла привязать къ исламу и Магомету военная добыча; 2) въ борьбѣ съ не-арабами естественно всего могло установиться и окрѣпнуть доселѣ не существовавшее арабское единство. Предлогъ для войны былъ: нужно было отплатить за пораженіе при Мутѣ. Магометъ собралъ войско, состоявшее изъ 30,000 пѣхотинцевъ и 10,000 конницы и жаркимъ лѣтомъ двинулся въ походъ. Походъ былъ утомительнымъ и тяжелымъ. Между тѣмъ выяснилось, что о византійскихъ войскахъ на сѣверѣ ничего не слышно, а туземные непріатели разбѣжались. Магометъ тогда прекратилъ наступательное движеніе въ страны, которыя ему самому были неизвѣстны. Но сѣверныя племена, изъ каковыхъ нѣкоторыя были христіанскими, онъ постарался подчинить себѣ, при чемъ ему въ этомъ дѣлѣ много помогъ „мечъ Божій“ Халибъ.

Ученіе корана распространилось до крайнихъ границъ

Аравіи. Въ началѣ 632 года пророкъ рѣшилъ снова совершить хаджъ въ Мекку. Это его путешествіе оказалось послѣднимъ и носить имя „прощальнаго“. Пророкъ вступилъ въ Мекку во всей своей силѣ и славѣ, но, вѣроятно, онъ уже чувствовалъ, что скоро ему должно будетъ покинуть землю, ему уже перешло за 60 лѣтъ, онъ много испыталъ и перенесъ, а съ тѣхъ поръ какъ его пытались оправить, онъ, по его собственнымъ словамъ, постоянно чувствовалъ вкусъ яда и никогда не чувствовалъ себя здоровымъ. Въ Меккѣ какъ бы въ видѣ завѣщанія онъ изложилъ предъ общиною литургическія и моральныя постановленія. Онъ установилъ календарь, опредѣлившій праздники и посты и онъ преподалъ своимъ послѣдователямъ нѣсколько нравственныхъ завѣтовъ. Правовѣрные должны быть братьями между собою. Они не должны покушаться на имущество одинъ другого. Кровавая месть запрещается безусловно, не должны въ этомъ отношеніи подниматься и счеты существовавшіе во время язычества. Бракъ является нерасторжимымъ. Имущества должны отъ умершихъ переходить къ законнымъ наслѣдникамъ. Жены должны быть цѣломудренны и послушны, мужья должны обходиться съ ними кротко и заботиться объ ихъ благополучіи. Съ рабами должно обходиться хорошо, не убивать ихъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ допускать ихъ продажу. Магометъ не колебалъ существовавшаго социальнаго и семейнаго строя, но онъ стремился внести въ этотъ строй начала милосердія и любви. Не обижай ближняго твоего. Арабъ плохо зналъ и помнилъ эту заповѣдь. Арабъ могъ быть и безкорыстнымъ и великодушнымъ и добрымъ, но задѣли его или такъ, что ему не понравилось, или у него явилась нужда и онъ безъ зазрѣнія совѣсти осмѣивалъ, клеветалъ, грабилъ и убивалъ.

Однако вернувшись въ Медину, Магометъ снова началъ приготовленія къ походу на сѣверъ. Онъ назначилъ полководцемъ Усаму, сына погибшаго Зейда. Назначеніе юнаго Усамы вызвало было неудовольствіе, но пророкъ съ своимъ обычнымъ тактомъ успѣлъ его такъ загасить, что прежніе недовольные только чувствовали свою вину предъ пророкомъ. Между тѣмъ думали о походѣ. Опредѣлили сборный пунктъ для лагеря. Но Магометъ становился болѣе все сильнѣе и сильнѣе. Повидимому болѣзнь овладѣла имъ не

сразу, онъ долго боролся съ нею, вель дѣла, она постепенно ослабляла его, и онъ видѣлъ, что къ нему приближается смерть. Онъ бросилъ свой обычай перекочевывать изъ дома въ домъ своихъ женъ и совершенно поселился въ домъ Аиши. Однажды ночью онъ всталъ съ своего ложа болѣзни и прошель на мединское кладбище. Его сопровождалъ служитель. Здѣсь Магометъ, обратившись къ могиламъ многихъ своихъ сподвижниковъ, сказалъ: „благословенны вы, ибо пользуетесь судьбою лучшею судьбы остающихся послѣ васъ“. Вернувшись къ себѣ, Магометъ сказалъ: „вотъ Господь представилъ своему рабу выборъ между этимъ временнымъ и немедленнымъ предстательствомъ предъ лицо Божіе“. Преданный ему Абу-Бекръ воскликнулъ: „за тебя мы отдадимъ и себя и своихъ сыновей“. Магометъ отвѣтилъ: „оставь, о чемъ печалишься“. Не имѣя силъ выходить въ мечеть—Магометъ поручилъ предстательство на молитвѣ Абу-Бекру. Лекарствъ онъ не принималъ. Аиша однажды попыталась влить ему чего-то, когда онъ былъ въ безсознаніи. Когда онъ очнулся, онъ заявилъ, что питье ему не понравилось и велѣлъ всѣмъ своимъ домашнимъ выпить его. Магометъ раздавалъ всѣ свои деньги бѣднымъ. Но передъ болѣзней онъ передалъ небольшую сумму Аишѣ. Потомъ онъ велѣлъ раздать ей эти деньги бѣднымъ семействамъ, которыя самъ назвалъ. Когда она медлила этимъ дѣломъ, онъ поторопилъ ее и когда деньги были отданы, онъ сказалъ: „теперь я покоенъ; не подобало мнѣ предстать предъ Моего Владыку, владѣя золотомъ“.

Находившійся почти уже въ безнадежномъ состояніи, Магометъ неожиданно потребовалъ себѣ чернилъ и бумаги. Онъ будто хотѣлъ написать книгу для предохраненія правовѣрныхъ отъ заблужденія. Но бывший при этомъ Омаръ воспрепятствовалъ исполнить просьбу Магомета. „Пророкъ бредитъ“, сказалъ онъ. Кто знаетъ: чего опасался Омаръ? Можетъ быть онъ боялся, что Магометъ напишетъ вслѣдствіе болѣзни и неяснаго сознанія что-нибудь недостойное его. Можетъ быть онъ опасался, что своимъ преемникомъ по полномочіямъ онъ назначитъ своего двоюроднаго брата Алія, сына Абу-Талифа, который въ политическихъ дѣлахъ уже являлся его представителемъ. Судя по дальнѣйшему разсказу, Магометъ дѣйствительно просилъ орудій письма въ

безсознательномъ состояніи. Съ Омаромъ заспорили и хотѣли принести матеріаль для писанія. Поднялся шумъ. Магометъ отъ этого шума, повидимому, пришелъ въ себя и сказалъ: „удалитесь; не должно спорить въ домѣ посланника Божія“. Такъ ничего не было написано Магометомъ и имъ не было оставлено никакого завѣщанія. На другой день утромъ, когда правовѣрные по обычаю собрались въ мечети, находившейся около дома Аиши, на молитву и собрались въ громадномъ числѣ, такъ какъ ихъ беспокоила судьба пророка, Магометъ, котораго никто не могъ ждать, неожиданно появился въ мечети. Онъ шелъ нетвердо, поддерживаемый другими. Но при видѣ молящейся многолюдной общины его лицо озарилось улыбкой нравственнаго удовлетворенія и обратившись къ народу онъ сказалъ. „клянусь Аллахомъ; никто не долженъ обвинять меня ни въ чемъ. Я ничего не разрѣшалъ, чего бы не разрѣшилъ Самъ Богъ, и ничего не запрещалъ, чего бы не запретилъ Богъ въ своей книгѣ“. Затѣмъ истощенный онъ вернулся въ домъ Аиши, она уложила его въ постель, онъ склонилъ свою голову на ея грудь и у него начался бредъ. У него вырывались тяжелые вздохи, стоны и моленія. „Аллахъ, помоги“. „Гавріиль, приблизься“.... „Нѣтъ, великіе мои товарищи въ раю“. Съ этими словами онъ скончался. Онъ не имѣлъ наследника и не назначилъ преемника. Чтобы его дѣло не погубило, нужно было, чтобы власть надъ образованнымъ имъ царствомъ — царствомъ религіознымъ и политическимъ вмѣстѣ—перешла къ достойнѣйшему.

С. Глаголевъ.